

Оглавление

Предисловие ко второму изданию	7
Предисловие к первому изданию	9
1. Россия до революции 1917 г.	
1.1. Была ли Россия отсталой страной: две модели социальной организации. Был ли в России феодализм?	16
1.2. Промышленность и транспорт после 1861 г.	22
1.3. Аграрный вопрос	25
1.4. Экономическая и финансовая политика	31
Рекомендуемая литература	34
2. Советская социалистическая экономика: структура и организация функционирования	
2.1. Победа государственной монополии	36
2.2. Иерархия и планирование	39
2.3. Реальное функционирование: врожденные пороки.....	43
2.4. “Законы системы”	53
Рекомендуемая литература	55
Дополнительная литература	56
3. Советская экономика: неизбежность кризиса и реформ	
3.1. Успехи и их причины	58
3.2. Ситуация в начале 1960-х: продовольственный кризис и начало нефтяной лихорадки	66
3.3. Нарастание признаков кризиса в промышленности.....	68
3.4. Нефтедоллары оттягивают кризис	70
3.5. Попытки реформ в 1950—1970-е гг.	73
Рекомендуемая литература	83
4. Перестройка: реформы в рамках социалистического выбора	
4.1. Политика ускорения	86
4.2. Размышления накануне радикальной реформы.....	90

4.3. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС. Закон о предприятии.....	94
4.4. Кооперация и аренда	98
4.5. Торжество демократии	102
4.6. Нарастание кризиса и экономическая политика во второй фазе перестройки	106
Рекомендуемая литература	112
5. Распад СССР	
5.1. Можно ли было ожидать распада Союза.....	116
5.2. Кризис и распад СЭВ — прелюдия.....	119
5.3. Роль демократизации.....	122
5.4. Влияние экономической политики правительства Рыжкова.....	124
5.5. Борьба России за суверенитет	127
5.6. Судьба экономического союза	129
5.7. Значение распада Союза для России: потери и выгоды.....	134
Рекомендуемая литература	136
6. Формирование программы реформ (Нужна ли была шоковая терапия?)	
6.1. Ситуация в стране осенью 1989 г. Спрос на программу реформ.....	138
6.2. Шоковая терапия в Польше	144
6.3. Мартовская (1990 г.) программа Н.И. Рыжкова.....	147
6.4. Шопронский семинар	156
6.5. Программа “500 дней”	159
6.6. Борьба программ	174
Рекомендуемая литература	178
7. Теория перехода от плановой экономики к рыночной	
7.1. Существуют ли закономерности перехода?.....	180
7.2. Несовместимость двух систем.....	182
7.3. Переходные процессы	185
7.4. Проблемы и трудности переходного периода.....	194
7.5. Роль государственной политики	197
Рекомендуемая литература	201
8. Либерализация	
8.1. Либерализация цен	204
8.2. Снятие ограничений на доходы и заработную плату.....	213
8.3. Открытие экономики	215
8.4. Дерегулирование.....	219
Рекомендуемая литература	226

9. Приватизация	
9.1. Необходимость и предпосылки приватизации	228
9.2. Споры о программе.....	231
9.3. Первый этап — чековая приватизация	238
9.4. Второй этап — денежная приватизация	248
9.5. Результаты. Приватизация и модернизация	253
Рекомендуемая литература	254
10. Макроэкономическая стабилизация	
10.1. Содержание и цель макроэкономической стабилизации в процессе рыночных реформ.....	258
10.2. Закономерности макроэкономической стабилизации	259
10.3. Первая попытка макростабилизации в России (1992 г.)	266
10.4. Вторая попытка (1993—1994 гг.)	269
10.5. Третья попытка (1995—1997 гг.)	271
10.6. Раскручивание рынка ГКО	279
Рекомендуемая литература	282
11. Виртуальная экономика и монетизация	
11.1. Неплатежи и неденежная экономика: российский феномен	284
11.2. Что такое виртуальная экономика?	293
11.3. “Широкие деньги” в России накануне кризиса	299
11.4. Дискуссия о монетаризме: уровень монетизации и спрос на деньги	301
11.5. Конец виртуальной экономики.....	307
Рекомендуемая литература	310
12. Бюджет и бюджетная политика	
12.1. Бюджет государства — зеркало национальной экономики.....	312
12.2. Государственный бюджет советского периода.....	316
12.3. Перестройка и начало бюджетного кризиса	319
12.4. Бюджетный процесс в начальный период либеральных реформ (1992—1994 гг.).....	325
12.5. Льготы, субсидии, бюджетные ссуды.....	327
12.6. От “черного вторника” до 17 августа (1995—1998 гг.).....	332
12.7. Бюджетный федерализм.....	336
12.8. Разработка, утверждение и исполнение бюджета	344
Рекомендуемая литература	352

13. Налоговая система

13.1. Предыстория. Становление налоговой системы в новой России.....	354
13.2. Современная налоговая система	357
13.3. Номинальное и реальное налоговое бремя.....	358
13.4. Проблемы налогового администрирования	361
13.5. Эволюция налоговой системы. Налоговая реформа	369
Рекомендуемая литература	373

14. Банковская система

14.1. Структура финансовых рынков.....	376
14.2. Советская банковская система.....	378
14.3. Формирование двухуровневой банковской системы. Парадокс обогащения при обнищании	380
14.4. Первый банковский кризис 1995 г. и второй банковский бум.....	384
14.5. Центральный банк.....	391
14.6. Банки после кризиса 1998 г.	396
Рекомендуемая литература	399

15. Финансовый кризис 1998 г.

15.1. Календарь кризиса	402
15.2. Антикризисная программа.....	408
15.3. Отношения с международными финансовыми организациями.....	413
15.4. Причины кризиса: два подхода	417
15.5. Последствия кризиса. Переосмысление политики	421
Рекомендуемая литература	425

16. Наследие Гайдара (частная собственность)

16.1. Провал или успех? Время завершения первого этапа.....	428
16.2. Статистические казусы.....	434
16.3. Основные структурные и институциональные изменения. Где мы находимся?	437
16.4. Незавершенность реформ.....	441
Рекомендуемая литература	445

Об авторе	446
-----------------	-----

Предисловие ко второму изданию

Данная книга является вторым, переработанным изданием версии, опубликованной в 2002 г. Для перевыпуска было две основные причины.

Во-первых, за более чем 20 лет чтения лекций по курсу «Российская экономика» для студентов экономического факультета Высшей школы экономики накопились правки и уточнения в основной текст книги.

Во-вторых, переиздание книги совпадает с публикацией ее логического продолжения «Российская экономика. Настоящее и перспективы после реформ». Если первая книга фокусировалась на том, как мы пришли к проведенным реформам 1990-х годов и что получили в результате к началу 2000-х годов, то вторая книга анализирует произошедшее с начала 2000-х годов и до 2018 г. Если первая книга была подготовлена мной, то вторая книга — набор работ разных авторов по ключевым сферам экономики. И это набор не разрозненный, а пронизанный единой концепцией повествования. В каждой главе была сделана попытка объяснить значимость темы, показать место России в мире, описать мировые тенденции и основные этапы развития сферы, которой посвящена глава, в нашей стране.

Обе книги стоит рассматривать как единую базу для полноценного освоения курса «Российская экономика» как в очном формате, так и в онлайн-формате, который будет запущен в Высшей школе экономики с сентября 2019 г., за поддерж-

ку которого хотел бы выразить отдельную благодарность бессменному ректору ВШЭ Ярославу Ивановичу Кузьминову.

Евгений Ясин
2019 г.

Предисловие к первому изданию

В основе настоящей книги — курс лекций по российской экономике, читаемый на первом курсе магистратуры в Государственном университете — Высшей школе экономики с 1998 г. Однако эта книга не учебник, для этого ей не хватает многого: четкого дидактического инструментария, столь полезного для усвоения предмета; вопросов для контроля знаний; методически выверенного списка литературы, а главное — беспристрастности, на мой взгляд, необходимой для учебника, который должен дать максимум информации, оставляя вместе с тем право выбора той или иной позиции, допускаемой на определенном уровне овладения профессиональными знаниями. Короче, до учебника эта книга не дотягивает.

В ней важное место занимает мой личный опыт, моя позиция. Как непосредственный участник и наблюдатель важнейших событий в российской истории конца XX в., я в то же время обладаю в некотором роде уникальными сведениями, которыми считаю полезным поделиться с моими студентами, а благодаря такой возможности и не только с ними. Личный опыт, субъективное восприятие поэтому составляют важную сторону книги. К тому же я старался писать до-

ступным языком, избегать математических выкладок, уже почти обязательных в экономической литературе.

Но это и не мемуары. От них книга отличается прежде всего тем, что я пишу не только о том, чем сам занимался, что сам видел, но и обо всем, что, по моему мнению, важно для понимания процессов, происходивших и происходящих в российской экономике. Я не стараюсь ни рекламировать себя, ни оправдываться, ни обвинять. Моя задача — осмысливать вместе с читателем события, составившие один из самых важных периодов в истории России.

В центре внимания — экономические реформы, процесс перехода от плановой экономики к рыночной. Но осмысление этого процесса потребовало весьма широкого контекста. Поэтому в книге присутствуют главы, посвященные российской экономике с отмены крепостного права и, понятно, советского периода. Становление, расцвет и упадок планового хозяйства составляет особый интерес для меня — ведь большую часть своей жизни я посвятил именно его исследованию. Я сдерживал себя, чтобы, говоря об этом периоде, не вдаваться в подробности, которые сегодня уже, слава Богу, привлекают только историков.

Эта книга, несмотря на то что в ее оглавлении вы найдете определенные следы хронологии, а в содержании — описание некоторых важных событий с упоминанием персоналий, не является и пособием по экономической истории России.

Я ставил перед собой две задачи.

Во-первых, понять логику событий, их взаимосвязь. Методологическая схема примерно такая: в развитии страны появляются точки перелома, качественных изменений, бифуркаций, когда принимаемые политические решения могут изменить направление и темп развития страны. Важно понять, какие это точки и какой выбор предоставляется лидерам в момент их прохождения.

Между этими точками возможности маневра оказываются ограниченными, вас влечет естественный ход событий, во многом предопределенный тем, что происходило ранее и вокруг.

Реконструируя процесс развития, можно в каждой точке траектории представить некий оптимальный путь, на котором разность выгод и издержек достигает лучших в каком-то смысле значений. Равным образом можно представить пессимистический и реалистический варианты. Жизнь прокладывает еще один путь, который можно сравнить с воображаемыми и тем самым оценить, что получилось, имели место поражения или победы. Я старался следовать этой схеме в течение всего изложения.

Во-вторых, я пытался представить развитие российской экономики как процесс становления, функционирования и разрушения институтов — в том смысле, как их понимает институциональный анализ. Это близко к тому, что в марксистской политической экономии понимается под производственными отношениями: отношения, формирующие поведение.

Институциональный анализ ставит своей задачей объяснить, почему страны и общества различаются по уровню экономического развития. Одни добиваются устойчивого процветания, другие — бедствуют, переживая кризис за кризисом. Объяснения связываются с институтами, формальными и неформальными ограничениями и нормами поведения, которые являются обобщением опыта и облегчают выбор решений в конкретных ситуациях. В одних странах складываются институты, способствующие развитию. Как правило, это институты свободного рынка и открытого демократического общества. В других сложившиеся институты становятся тормозом развития. Тогда либо все больше накапливается отставание и общества приходят в упадок, либо происходит революция, ломающая старые институты, но отнюдь не гарантирующая, что новые институты, складывающиеся после нее, будут более совершенными. При том, как отмечает Д. Норт, один из столпов институционализма, при самых радикальных революциях многие старые неформальные институты сохраняются: “Даже русская революция — самая, возможно, полная из известных нам формальных трансформаций — не может быть понята до конца, если мы не разберемся в вопросе выживания и упорного сохранения многих неформальных ограничений”¹.

Примерно то же содержание Е.З. Майминас вкладывал в понятие социально-экономического генотипа².

Развитие российского общества в последние 150 лет — это дважды почти тотальное разрушение политико-экономических институтов и структур и трижды — попытки выстраивания их в целостные системы, способные обеспечить эффективное функционирование социального организма. Второй попыткой было строительство коммунизма. Третья происходит на наших глазах в противоречиях и муках, с утратой иллюзий и пробуждением надежд.

Почему страна оказалась в мирное время в столь глубоком кризисе? Удастся ли вывести ее из кризиса, обусловленного “походом” в тупик, в сторону от мировой магистрали, и последующей очередной ломкой? Происходит ли ныне становление институтов, способных обеспечить устойчивое и динамичное развитие страны? На эти вопросы я старался дать ответ.

Уже уходят в прошлое 1991—1992 гг., поворотный пункт в нашей истории. Но интерес к ним не угасает, по крайней мере у тех, кто ищет ответ на поставленные вопросы, кто считает события этих лет или страшной ошибкой, или спасением от катастрофы, требовавшим от участников событий мужества и самоотречения.

Как-то советник Ю.М. Лужкова, а затем министр в московском правительстве

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 57.

² Майминас Е.З. Российский социально-экономический генотип // Вопросы экономики. 1996. № 9.

К.Б. Норкин спросил меня: как же так — в стране есть потребность в продукции отечественных производителей. Есть и мощности, которые еще пять лет назад позволяли производить вдвое больше продукции — мяса, молока, тканей, станков. Как могло произойти, что теперь мощности стоят, люди не имеют работы и средств к существованию? Почему это нельзя было предотвратить? Почему сейчас нельзя быстро восстановить объемы производства, имея людей и мощности? Что это за реформы, которые дают такие результаты? Кому они нужны?

Вопросы эти, в значительной мере риторические, очень понятные, их задают многие, в том числе заслуженные академики. Но именно тогда, в беседе с Норкиным, уже открыв рот в твердой уверенности, что мне есть что сказать, я вдруг обнаружил: убедительный и лаконичный ответ так просто не получается. Эта книга вся в каком-то смысле является ответом. И в нем главная мысль: в наши дни Россия еще раз получила шанс стать свободной, процветающей страной. Не хуже других. Избавиться от комплекса отсталости, который преследует ее уже почти 400 лет.

Хочу выразить благодарность всем, кто помог мне в работе над книгой и содействовал формированию выраженных в ней мыслей.

Прежде всего это мои товарищи по Центральному экономико-математическому институту, в общении с которыми формировались мои взгляды. Не могу не вспом-

нить первыми тех, кто ушел от нас: моего дорогого друга Е.З. Майминаса, А.И. Анчишкина, С.С. Шаталина, Ю.В. Яременко, К.Г. Гофмана. Хочу поблагодарить других, дай им Бог здоровья, Н.Я. Петракова, Ю.Р. Лейбкинда, В.А. Волконского, В.В. Ивантера. За пределами ЦЭМИ — коллег-единомышленников В.Г. Стародубровского, Р.Н. Евстигнеева, В.Д. Белкина. А.Г. Аганбегян и Л.И. Абалкин были для меня руководителями в период перестройки. Никогда не забуду работу и дружбу с Г.А. Явлинским в 1989—1991 гг. К сожалению, жизнь развела меня со многими из них. Я хочу особо поблагодарить тех, кто стал моими товарищами и соратниками в годы реформ: Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса, Я.М. Уринсона, С.К. Дубинина, С.В. Алексашенко, А.В. Улюкаева, В.А. Мау, С.А. Васильева, Д.В. Васильева, С.М. Игнатьева, О.В. Вьюгина, Э.С. Набиуллину, Б.Г. Салтыкова, М.М. Задорнова, Д.А. Киселева, М.Э. Дмитриева, П.П. Mostового.

Мои друзья и коллеги из Высшей школы экономики — Я.И. Кузьминов, А.Н. Шохин, Л.Л. Любимов, Р.М. Энтов, Л.И. Якобсон, А.А. Яковлев, В.В. Радаев, Т.Г. Долгопятова, И.В. Липсиц, О.И. Шкаратан, Р.М. Нуреев, Л.Г. Ионин, Г.Г. Канторович — создавали и создают уникально благоприятную интеллектуальную среду, которая стимулировала мою работу.

В Макроэкономическом клубе я имею возможность постоянно обсуждать важные проблемы с А.Р. Белоусовым, А.В. Дворковичем, Е.Е. Гавриленко-

вым, Э.Ф. Барановым, С.Т. Гурвичем, Л.М. Григорьевым.

Хочу отметить также моих зарубежных друзей и коллег, оказавших наибольшее влияние на мои представления, — С. Фишера, Р. Дорнбуша, У. Нордхауза, Я. Ростовски, А. Ослунда, М. Домбровски, М. Тардаша, М. Гилмана.

Велик вклад и моих непосредственных сотрудников, особенно Г.Ю. Трубецкой, а также А.В. Косыгиной, А.В. Трапковой, И.В. Разумова, А. Молдавер.

Если итог отрицательный, ответственность за него несет только автор.

Евгений Ясин
2002 г.

*Посвящается
Е.Т. Гайдару*

1

Россия до революции 1917 г.

Была ли Россия
отсталой страной —
две модели
социальной
организации.
Был ли в России
феодализм?

Промышленность
и транспорт после 1861 г.

Аграрный вопрос

Экономическая
и финансовая
политика

1.1 Была ли Россия отсталой страной: две модели социальной организации. Был ли в России феодализм?

Обращаясь к российской истории XIX—XX вв., очень важно понять, были ли объективно обусловлены катаклизмы, пережитые страной за последние 100 лет. Есть ли основания считать, что коммунистическая модернизация вырвала страну из отсталости, выведя ее в сверхдержавы, на пик могущества, никогда прежде Россией не достигавшийся, а рыночные реформы 1990-х гг., напротив, привели ее в состояние упадка. Или же справедлива иная гипотеза: перед революцией Россия была динамичной, быстроразвивающейся страной и, не будь этой самой революции, она могла бы добиться куда больших успехов.

Оценивая ситуацию в целом, справедливо будет отметить, что перед революцией Россия отставала от передовых стран Западной Европы и США по уровню производства и потребления. В 1913 г. объем промышленного производства был в 2,5 раза меньше, чем во Франции, в 4,6 раза — чем в Англии, в 6 раз — чем в Германии, в 14,3 раза — чем

в США¹. Средняя урожайность хлебов в 1909—1913 гг. была в 2 раза ниже французской, в 3,4 раза ниже германской. Но здесь надо делать поправку на интенсивность хозяйства: в России экстенсивное направление в сельском хозяйстве было тогда выгодней.

В то же время по темпам развития обрабатывающей промышленности Россия в предвоенные годы уступала только США и Японии. В 1911—1913 гг. по сравнению с 1896—1900 гг. среднегодовые темпы (%) составили²:

Россия	4,8
США	5,2
Германия	4,0
Великобритания	1,6
Франция	3,5

Япония обогнала Россию по темпам роста промышленности только после 1900 г.

Правда, по расчетам Ю.П. Соколова³, в США за 1860—1913 гг. ВВП на душу населения вырос с 860 до 2500 долл., а в России за те же годы — с 350 до 600 долл. Но это в сравнении только с одной из наиболее динамичных тогда стран. В целом же Россия медленно догоняла Европу, держась от нее все же на весьма солидном расстоянии. По общепринятым показателям (объему ВВП или национальному доходу) перед Первой мировой войной наша страна входила в число лидеров, занимая пятое место в мире после США,

Германии, Англии и Франции. Таким образом, по сравнению с западными странами Россия была отсталой, но динамично развивалась. Во всяком случае, отставание не увеличивалось.

Но это в целом. Что же касается структуры экономики, то бросалось в глаза колоссальное различие между современным промышленным сектором, полностью интегрированным в мировую экономику, и огромным аграрным, большей частью находившимся в состоянии крайней отсталости, практически продолжавшим жить в Средневековье. Собственно, противоречия между потенциалом динамичного развития и отставанием большей части страны стали одной из главных причин катаклизмов XX в.

В современный сектор почти без задержки доходили мировые достижения науки и техники. Машиностроительные заводы Петербурга, Москвы, Риги, текстильная промышленность Московского и Ивановского районов, уголь и металлургия Донбасса, нефть Баку, растущая сеть железных дорог представляли лицо той России, которая доказывала свою способность усваивать и распространять материальные достижения передовой техники и технологии. Зависимость от Запада, безусловно, имела место, иностранные инвестиции играли важную роль в подъеме российской экономики. Жители Петербурга, Москвы, Варшавы,

¹ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1954. С. 220.

² *Хромов П.А.* Экономическая история СССР. М., 1969. С. 129.

³ *Sokoloff G.* La puissance pauvre. Une histoire de la Russie de 1815 a nos jours. Paris, 1993. P. 787—790.

Одессы получали доступ к благам цивилизации практически одновременно с жителями европейских столиц. Здания дореволюционной постройки до сих пор являются украшением многих русских городов.

Но сельская Россия, огромное количество провинциальных городов жили еще примерно так же, как 50 лет назад, когда 19 февраля 1861 г. император Александр II издал манифест о крестьянской реформе, об отмене крепостного права. Аграрный сектор был опутан феодальными пережитками. Свойственные предыдущей эпохе институты, такие как община, круговая порука, периодический передел земель, продолжали препятствовать развитию свободных рыночных отношений в деревне и росту производства.

Комплекс неполноценности, обусловленный отставанием страны, начал проявляться в России еще в XVII в., до Петра I, когда русские на практике ощутили, что европейцы ушли вперед в промышленности, военном деле, управлении государством. С тех пор стремление ликвидировать отсталость, догнать Европу, жить не хуже стало неизменным побуждением властей и их подданных к реформам и модернизации.

В политико-экономическом мышлении стали складываться два основных течения. Одно — прозападное, стремящееся перенести европейские достижения на российскую почву, не всегда с учетом отечественных реалий. Другое — почвенническое — защищало традиции, старалось усмотреть в российской отсталости особость русского пути, превосходство над Европой, где ценности материального благосостояния вытесняли, как казалось, ценности духовные. Эти дискуссии в новых формах, в иных терминах и по иным поводам продолжают и сегодня. Продолжаются и поиски исторических институциональных и потому непреодолимых различий между Россией и Западом. Одно из главных различий, возникших еще в Средние века, усматривается в том, что в России не сложилась та городская жизнь, которая оказалась столь характерной чертой Западной Европы.

Интересно, что в наше время дискуссия о феодализме в России возобновилась. Так, профессор С. Хакамада утверждает, что феодализм — особенность Европы, а в России и в Японии его не было.

Вот описание русской социальной организации, которую дает А.Г. Вишневский со ссылкой на И.В. Киреевского:

«Большинство населения составляли крестьяне. Крестьянин в России жил как бы в самой глубине социальной матрешки: сам он находился внутри семьи, семья — внутри общины, а уж на семейно-общинном основании возводились все остальные этажи русского общества. В середине XIX века И. Киреевский так рисовал всю его иерархическую структуру: «Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный —

сходке, сходка — вече и т.д., откуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной Православной Церкви».

«Матрешечная» конструкция системы общественных связей по-своему сложна и эффективна. Она позволяет сочетать достаточно жесткое вертикальное соподчинение уровней социальной пирамиды с относительной самостоятельностью каждого уровня (это относится, в частности, к поземельным отношениям: право на пользование землей как бы распределено между уровнями, ни одному из которых она не принадлежит полностью). В силу малых размеров и значительной замкнутости сельской общины, в рамках которой протекала жизнь большинства людей, человек постоянно находился в непосредственном общении и взаимодействии с односельчанами, с сельским «миром», под его постоянным надзором, был связан со всеми взаимной ответственностью, круговой порукой. Такая система отношений предполагает многообразие неравенства, сложную иерархию личных зависимостей. В то же время все отношения персонифицированы, что придает жизни в этой системе «человеческую теплоту», о которой ностальгически вспоминают люди, оказавшиеся в мире городских обезличенных связей⁴.

Но матрешечная конструкция — это и в Японии, она выглядит иначе, чем в и есть облагороженное описание феодальной системы. Просто в России, как Европе.

Гардарикой, страной городов называли Русь древние варяги. Но это были не те города. В XII—XIII вв. в Европе стали, будто грибы после дождя, расти города как центры ремесленной промышленности и торговли, а также противостояния произволу феодальных баронов, со специфической организацией самоуправления. На Русь в это время из Центральной Азии пришли орды татаро-монгольских кочевников.

М.И. Туган-Барановский так писал об этом:

«В России прежнего времени не было города в том смысле, в каком он был в Средние века в Западной Европе. Прежде всего городов в России было так мало, что они тонули в общей серой массе деревень. Но и те города, которые были, имели иной характер, чем города на Западе. Город на Западе был центром мелкой промышленности, работавшей не на торгового посредника, а непосредственно на потребителя. В России же город был преимущественно административным и торговым центром, а промышленность

⁴ Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. М., 1998. С. 19; Киреевский И.В. В ответ А. Хомякову. Критика и эстетика. М., 1979. С. 149.

была раскинута главным образом по деревням. Во многих местах России издавна была развита кустарная промышленность — преимущественно там, где почва была мало пригодна для земледелия и населению приходилось прибегать к подсобным заработкам. Но между западноевропейским городским ремесленником и русским деревенским кустарем было существенное различие: первый работал на местного жителя, на местный рынок, а второму приходилось работать на отдаленный рынок (ибо местного рынка не было), почему являлась необходимость в торговом посреднике. Таким образом, из отсутствия городов вытекала необходимость торгового капитала, и торговый капитал подчинял себе мелкого производителя. Купец был необходим для русского кустаря потому, что потребители кустарных изделий были развезены по всей огромной территории России и прямые сношения с ними были невозможны для кустарей.

Отсутствие городского ремесла имело своим естественным следствием особенно влиятельное положение в экономическом и социальном строе Московской Руси капиталиста-торговца.

Политическое преобладание Москвы основывалось, между прочим, и на том, что Москва была торговым центром громадного края, промышленность которого находилась в непосредственном подчинении торговому капиталу, сосредоточенному преимущественно в Москве. Торговый класс был, вслед за земельным дворянством, самым влиятельным классом старинной Руси.

В то же время Московское государство совершенно не знало того социального класса, который сыграл такую огромную роль в истории Западной Европы — класса свободных городских ремесленников. Новейшие российские исследователи — например, Н.П. Павлов-Сильванский — находят в древней Руси элементы феодального строя (Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси, 1908; Его же. Феодализм в удельной Руси, 1910). Но цеха, городского ремесла — в том виде, как это сложилось на Западе, — Россия ни древняя, ни новая никогда не знала. Россия не знала той стройной и законченной организации мелких промышленников, на почве которой возникла вся культура капиталистического Запада; городские общины Запада завоевали не только свою свободу от власти феодалов, но и привели, в конце концов, к крушению абсолютной монархии. «Die städtische Luft macht frei» («городской воздух дает свободу») — повторим то, что говорили в Средние века, и эта поговорка полна глубокого смысла. У нас не веял этот воздух торгово-промышленного города, добившегося обширных прав, — и потому не было почвы и для свободы”⁵.

⁵ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии: 5-е изд. Пг.: Право, 1918.

“Еще одним коренным отличием исторических условий развития России сравнительно с Западом, — продолжает Туган-Барановский, — отличием, непосредственно вытекавшим из первого, была необычайная сила и устойчивость в России принудительного труда. Нигде рабство не пустило таких глубоких корней в народную жизнь, как в России. И, что всего замечательнее, рабство у нас не отмирало по мере поступательного хода истории, а все теснее и теснее сплеталось с нашим хозяйственным и социальным строем. В этом отношении чрезвычайно характерна история нашего крепостного права. В XV и XVI веках оно еще не сложилось в определенный социальный институт. В XVI и XVII веках закрепощение крестьянина заканчивается, но крепостной крестьянин все же остается крепостным своего помещика, а не его рабом — он все же не совершенно бесправное существо. Российское государство развивает дальше и дальше свое политическое могущество, превращается в колоссальную империю — и все ниже и ниже падает крестьянин”⁶.

Ужесточение эксплуатации крепостных крестьян к концу существования крепостного права объясняется увеличением спроса на сельхозпродукты и возможностей экспорта, стремлением крепостников заработать на внешних рынках. Примерно та же тенденция наблюдалась в США перед Гражданской войной и освобождением негров.

Этот мотив не мог не возникнуть у тех властителей России, которые хотели модернизировать свою страну: давления снизу в пользу свободы и права нет, сопротивление любому произволу сверху почти отсутствует.

В таком положении оказался Петр I, когда вознамерился вывести Россию в ряд европейских держав. Ему это удалось преимущественно за счет заимствования материальных достижений Европы при сохранении и даже закреплении существовавших феодальных порядков.

Крепостные мануфактуры Демидова, рекрутчина и т.п. — символы того времени наряду с немецким платьем, учением дворянских детей и бритьем бород. Итогом был промышленный рост, сделавший Россию важным производителем чугуна, оружия. В то время родились многие славные промыслы, например Гжель, усвоившая приемы мастеров из Дельфта. Было немало изделий, не уступавших иностранным, но сделанных руками рабов, а не свободных людей.

В развитии, опиравшемся на самодержавие и крепостничество, был свой потенциал, хотя ясно, что различия в источниках роста в Европе и в России сами по себе определяли отставание последней. Феодально-крепостническая Россия достигла апогея во время войны против Наполеона и доминирования в Европе до революций 1848 г. и Крымской войны. Последняя же показала полную

⁶ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 108.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru